

цессъ Галилея, или какимъ оборотомъ ораторскаго искусства профессора оказались виновными въ мизантропіи Руссо, но только когда мы добрались до новѣйшаго времени, Дюрингъ дѣйствительно нашелъ настоящую жертву профессорскаго скудоумія въ лицѣ Огюста Конта, котораго столь непростительно осмѣивалъ и преслѣдовалъ Араго.

Все это было бы еще ничего, еслибы не безпрестанныя косвенныя указанія на собственную судьбу оратора, благодаря которымъ чтеніе дѣлалось не только смѣшнымъ, но и тягостнымъ для слушателей. Даже мой русскій чувствовалъ себя разочарованнымъ. Слѣдующія чтенія частью только загладили невыгодное впечатлѣніе перваго. Весь походъ, довольно плохо замаскированный, велся противъ человѣка, въ которомъ Дюрингъ заподозрилъ виновника удаленія его изъ лица Викторіи и изгнанія изъ университета, именно противъ знаменитаго физика Гельмгольца. Разсказывали, что Гельмголецъ мстилъ Дюрингу за то, что тотъ всѣми силами отстаивалъ право первенства открытія „эквивалентности работы и тепла“ за физикомъ Робертомъ Майеромъ, испытаннымъ тяжелымъ гоненіемъ, между тѣмъ какъ всѣ приписывали это открытіе Гельмгольцу. Да и самъ Гельмголецъ считалъ его своимъ, пока ему не указали на существованіе статьи Майера „Замѣтки о силахъ неодушевленной природы“ 1842 года, за пять лѣтъ до появленія книги Гельмгольца „Ueber die Erhaltung der Kraft“. Майеръ тѣмъ болѣе являлся героемъ въ глазахъ Дюринга, что долго былъ жертвой недоразумѣній и гоненій въ родномъ городѣ своемъ Гейльброннѣ и даже долгое время сидѣлъ въ сумасшедшемъ домѣ безъ всякаго на то основанія, какъ увѣряетъ Дюрингъ и онъ самъ, если причиной тому не была меланхолія, понятнымъ образомъ происходившая какъ отъ того, что не хотѣли признавать его заслугъ, такъ и отъ того, что онъ подвергался гоненіямъ со стороны органовъ патентованной науки. Вторая лекція Дюринга была вся посвящена ему самому, и серія чтеній закончилась призывомъ, довольно наивнымъ въ Германіи, къ обществу: основать частный, свободный, независимый отъ государства университетъ, который могъ бы противоdѣйствовать интригамъ профессоровъ. Слабая сторона ненависти Дюринга къ профессорамъ, раздѣляемой имъ съ Шопенгауеромъ, та, что Дюрингъ самъ много лѣтъ стремился быть членомъ того самаго сословія, которое онъ описываетъ теперь какъ состоящее чуть ли не изъ однихъ изверговъ.

Постороннему человѣку трудно, конечно, судить въ этомъ дѣлѣ. Несомнѣнно, однако, что Дюринга не удалили бы изъ универси-